

УДК 82.09(470)(092)+32(091)

И.С. ТУРГЕНЕВ И СОЦИАЛИЗМ (1870 – НАЧАЛО 1880-х гг.)

© 2018 г.

В.А. Кутаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018

Анализируется отношение И.С.Тургенева к идеологии социализма в 1870 – начале 1880-х гг. Выявляются обстоятельства, формировавшие толерантное отношение писателя к социалистической теории, а также различия в восприятии им образов социалистического будущего, которые создавались современными европейскими и отечественными мыслителями. Предпринята попытка объяснить «парадокс» либерала Тургенева, безбоязненно двинувшегося навстречу русскому революционно-социалистическому движению.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, П.Л. Лавров, журнал «Вестник Европы», либерализм, социализм, социальный либерализм, Ф. Лассаль, К.К. Арсеньев, Л.А. Полонский, А.Н. Пыпин.

В характеристике социально-политических воззрений И.С. Тургенева не может быть, конечно же, обойдена молчанием тема его отношения к социализму. Обратимся к ней, ограничившись хронологическими рамками 1870 – начала 1880-х годов. К сожалению, в распоряжении сегодняшнего исследователя нет ни одного идущего от самого писателя, более или менее развернутого высказывания по этому вопросу. А потому возрастает значимость тех оценок, которые Тургенев давал сторонним высказываниям. На первом месте в их ряду стоят программа народнического журнала «Вперед!», написанная П.Л. Лавровым, и выступления идейно близкого писателю либерального журнала «Вестник Европы». Должны быть приняты во внимание случаи передачи тургеневских суждений его собеседниками или просто наблюдателями.

Еще до выхода в свет первого номера лавровского журнала «Вперед!» (13 августа 1873 г.) Тургенев получил от редактора написанную им программу этого издания и не уклонился от оценки ее содержания. В руках у писателя оказался третий (и последний) вариант программы журнала, призванного объединить силы революционного движения в России. Его целью объявлялась здесь «реализация справедливейшего строя общества». Применительно к России этот социальный идеал воплощался в «крестьянстве с общинным землевладением». Для его осуществления требовалось «развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами», сделать из мирской сходки основной элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству <...> образование и <...> понимание его общественных потребностей» [1, с. 30]. Здесь

же было представлено и лавровское понимание особенностей будущей российской революции.

Тургенев отозвался об этом документе в письме к Лаврову от 1(13) июня 1873 г. Есть смысл привести это место из письма полностью. «Программу Вашу, – писал он, – я прочел два раза со всем подобающим вниманием: со всеми главными положениями я согласен – я имею только одно возражение и одну apprehension (опасение – *фр.* – В.К.). Мне кажется, что Вы напрасно так жестоко нападаете на конституционалистов, либералов и даже называете их врагами; мне кажется, что переход от государственной формы, служащей им идеалом, к Вашей форме ближе и легче, чем переход от существующего абсолютизма – тем более, что Вы сами плохо верите в насильственные перевороты – и отрицаете их пользу. А подобное заявление с Вашей стороны насчет либералов и парламентарных людей многих из них отгонит прочь, испугает.

Моя же «apprehension» состоит в следующем: как бы Вы ни придали вашему журналу слишком ученого, философского характера, что тоже может повредить его распространению и уменьшить его влияние. Впрочем, все это выскажется и определится *ipso facto*» (в силу самого факта, на деле – *лат.* – В.К.) [2, т. 10, с. 123–124].

Дело, как известно, не ограничилось только заверением в «полной» солидарности с основными программными положениями, которые формулировал Лавров. Начиная с 1874 г. Тургенев участвовал в финансировании издания журнала «Вперед!» в период редакторства Лаврова, установив для себя ежегодный взнос в 500 франков. Этот неординарный для русского либерала поступок, естественно, не предавался гласности при жизни писателя.

К сожалению, неизвестно, как была воспринята тургеневская оценка программы «Вперед!» самим Лавровым, удалось ли ему помирить в своем сознании либерализм писателя, в котором он никогда не сомневался, и его признание в том, что он принял в основном содержание социалистического и революционного манифеста. Уместно будет вспомнить и то, что хорошо осведомленный о взглядах и настроениях писателя в 70-е гг. Г.А. Лопатин называл «нелепыми» утверждения, будто Тургенев «разделял вполне программу «Вперед!» или вполне сочувствовал ей» [3, с. 246]. Эта коллизия еще раз заставляет обратиться к имеющимся свидетельствам о его отношении к социализму как общественному идеалу.

Начать придется со статьи К.К. Арсеньева «Политический процесс 1869–1871 гг.», которая увидела свет в ноябрьском номере «Вестника Европы» за 1871 г. Это выступление призвано было вскрыть общественный смысл судебного процесса по делу нечаевцев, ответить на вопрос, почему, несмотря на идущие реформы, живо революционное подполье, и указать способ излечения этого общественного недуга. Тургенев очень высоко оценил «Политический процесс», отметив наиболее важные, с его точки зрения, достоинства этого высказывания. «<...> Более серьезной, благонамеренной, антикоммунистической, прямо сказать, консерваторской в лучшем смысле слова статьи представить себе нельзя <...>», – говорилось в письме А.А. Фету от 8 (20) января 1872 г. [2, Письма, т. 9, с. 210].

Знакомство с содержанием статьи Арсеньева убеждает в том, что прозвучавшие в письме определения «антикоммунистическая», «консерваторская» не исчерпывают всей полноты ее идейного содержания. Арсеньев не побоялся продемонстрировать здесь неординарную для либерала 60-х годов терпимость к идеям социализма и их носителям в России. Вот как выглядели характеристика этого учения и объяснение причин его привлекательности для русской молодежи – эти содержательные моменты статьи, как нам кажется, будут важны и для понимания отношения Тургенева к социализму. «Он (социализм. – В.К.) допускает тысячу видоизменений, не имеет определенных границ, затрагивает самые противоположные общественные сферы – короче, это не доктрина, а собирательное слово для множества доктрин, имеющих лишь несколько точек соприкосновения между собою. Прибавим к этому, что к некоторым из задач, входящих в программу социалистов, могут стремиться люди, равнодушные или даже враждебные социализму. <...> Мягкие формы

социализма везде соприкасаются с простою заботливостью об улучшении материального положения народа; признаки перехода от последней к первым, трудноопределимые даже для самого беспристрастного взгляда, тем более обманчивы в эпоху тревожной борьбы против социализма. С другой стороны, социализм часто бывает только формой, в которую облекается на время желание способствовать народному благу. Преобладание доброй воли над опытностью и знанием, увлечение громким словом, надежда на быстрые, громадные результаты, все это вместе взятое заставляет многих молодых людей считать себя социалистами, пока они не сделаются просто тружениками на пользу народа – или не откажутся от своих юношеских мечтаний. Таких социалистов на один час, социалистов не по убеждению, а по чувству, у нас больше, чем где-нибудь, и ошибочно было бы видеть в них врагов общественного устройства» [4, 1871, № 11, с. 300–301]. Думается, не будет натяжкой утверждать, что в этих рассуждениях Арсеньева проглядывают контуры программы тургеневской «Нови».

Ко времени вступления Тургенева в диалог с Лавровым во взглядах писателя вполне определенно проступили черты экономического либерализма. Еще в начале 60-х годов в спорах с Герценом он опровергал теорию «русского социализма» и потом не раз демонстрировал критическое отношение к институтам общины и артели, находя в российской деревне очевидные признаки наступления капитализма. Но этот негативизм к опорным для русского народничества социальным формам совмещался у него с интересом к идеям европейского умеренно-реформистского социализма. На страницах романа «Дым» можно встретить имена Г. Шульце-Делича и Ф. Лассала. Нельзя видеть в этом простую случайность. Тургенев познакомился с Лассалем в конце лета 1864 г., и до конца жизни писателя, если верить русской мемуаристке, видный немецкий социалист оставался для него настоящим кумиром [5, т. 2, с. 54].

Чтобы более или менее правильно оценить состояние теоретического багажа, с которым Тургенев вступил в 70-е годы, надо учесть еще один немаловажный смысловой контекст. Уже в начале этого десятилетия появились признаки того, что идейно близкий Тургеневу «Вестник Европы» начал нащупывать путь к компромиссу с идеями социализма. Это движение превратит журнал, в конечном счете, в орган социального либерализма [6, с. 246–275].

Тургенев не оставил суждений, на основании которых можно было бы говорить о его отношении к социализму в принципе. Опереться

здесь можно только на единственное в своем роде наблюдение, принадлежащее Герману Лопатину. Вот что он сказал в беседе с С.П. Петрашкевич-Струмилиной в 1913 г., спустя тридцать лет после смерти писателя: «Тургенев допускал, что социализм, может быть, и будет венцом социального развития человечества. Но социализм рисовался ему в такой дали, что еле верилось в него. Ему казалось, что ни технические, ни экономические, ни моральные предпосылки не созрели еще для проведения его в жизнь... А кроме того, его смущали сомнения, сможет ли социализм удовлетворить индивидуальным запросам и индивидуальным вкусам будущего общества.

– Ведь не будем же мы в самом деле, – говорил Тургенев, – ходить, по Сен-Симону, все в одинаковых желтеньких курточках с пуговкой назад?

Сомневался Иван Сергеевич и в людской способности пока жить сообща, общинно: наша психика не подготовлена к этому. И все попытки жить коммунистически, даже людей хороших и интеллигентных, всегда кончались неудачей» [5, т. 1, с. 388–389].

Нам известны два высказывания самого Тургенева, имеющие отношение к теме «социализм и Россия». Одно из них появилось в контексте его полемики с Герценом в 1862 г. «Тот особый строй, который придается государственным и общественным формам усилиями русского народа, – писал Тургенев Герцену 26 сентября (8 октября) 1862 г., – еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексии, подвели его под категории. А не то предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его – то называть его убеждения святыми, то клеймить их несчастными и безумными» (2, *Письма*, т. 5, с. 52). Ставя в один ряд славянофильство, теорию «русского социализма», исторические построения К.Д. Кавелина и А.П. Щапова, Тургенев указывал на объединяющую их черту – дань «абстракции», зависимость от «немецкого процесса мышления», видел в каждой не более чем «кабинетную, высиженную штучку». В сущности, о том же писатель говорил и в 1880 г. на встрече с демократически настроенными литераторами, собравшимися у Г. Успенского. На вопрос Вс. Гаршина, какой из двух путей революционной борьбы – хождение в народ или политическое противостояние самодержавию, к чему перешли народолюбцы, – кажется ему верным, Тургенев ответил: «Так ли надо вести дело, как оно ведется теперь, не знаю. Но что “хождение в народ” не удалось, это, кажется, очевидно. Да и могла ли разве удалиться пропаганда отвлеченностей со-

циализма людям, вся жизнь которых состоит из перехода от одной конкретной осязательности к другой: от сохи к бороне, от бороны к цепу, а от цепа иной раз к полуштофу» [7, с. 46]. Тургенев был неизмеримо далек от веры в инстинктивный социализм русского крестьянина, которая вдохновляла раннее народничество.

Мог ли предложить Тургенев собственное видение справедливого социального строя России в будущем? На этот вопрос попытался ответить в 1883 г. Г. Лопатин: «...Он горячо и искренно любил наш простой народ, наше крестьянство, и охотно мечтал о наступлении для него лучших дней, которые он представлял себе в довольно туманных, полусоциалистических, полуфантастических образах» [3, с. 246]. Подкорректировать наблюдение Лопатина можно только в одном отношении – в этих «образах» все-таки не могло быть места отвергнутому Тургеневым «русскому социализму» Герцена. Народнический социализм 70-х годов, кстати, хотя и апеллировал к крестьянской общине, уже не шел вослед Герцену, признавая факт внедрения капитализма в русскую деревню и не отказывая Европе в способности к социалистическому обновлению. Не исключено, что именно это обстоятельство, т.е. понижение градуса «русской» исключительности, способствовало некоторому потеплению в отношении Тургенева-западника к теоретикам социализма в России. Социалистический проект Лаврова не отторгался Тургеневым еще и потому, что его осуществление относилось в отдаленное будущее.

В романе «Новь» («Вестник Европы», 1877, № 1, 2), где предлагался групповой портрет молодых практиков революционного дела, нет разработки темы вдохновлявшего их социального идеала. Но без особого труда прочитывается здесь отношение Тургенева к социалистической идее. Она, в отличие от личностей ее носителей, не вызывает у него симпатии.

«Новь» заставляла размышлять не только над вопросом о том, что порождало революционные настроения в реформирующейся России. Не менее значимыми оказывались тут же и проблемы правомерности социализма как идеала общественного устройства, его практической осуществимости. Редакция «Вестника Европы» высказалась и по ним. В последней книжке журнала за 1877 г. появилась заметка А.Н. Пыпина, поводом для которой стал выход в свет перевода «Нови» на сербский язык. Он был выполнен известным социалистом П. Тодоровичем. Ему же принадлежало предисловие, с содержанием которого Пыпин и вступил в полемику.

В том, что сказал здесь Пыпин о социализме, следует видеть нечто более весомое, чем заяв-

ление частной позиции. Мы имеем дело с выступлением фактического соредатора М.М. Стасюлевича, и в нем не могли не найти своего отражения некоторые важные черты консолидированной позиции авторского круга либерального журнала. Это высказывание, кажется, может пролить дополнительный свет и на особенности тургеневского отношения к социализму.

«"Социализм" (которого г. Тодорович является великим приверженцем) есть слово чрезвычайно обширное и неопределенное, – писал Пыпин, – а с такими словами надо обращаться очень осторожно. <...> В самом деле, под одним словом могут соединяться вещи, весьма не похожие одна на другую: явления, действительно вырастающие из жизни, как естественный ее результат и разумная потребность, а с другой стороны, фантазия или произвол; искреннее глубокое убеждение – и недостаток развития или обман. Сколько толкуется о "прогессе", и какие радикально непохожие вещи ставятся под защиту этого слова. Точно также и с "социализмом". <...> Далее, есть большая разница между теоретическими построениями и практическим применением; первые вовсе не предполагают тотчас последнего и не требуют его непосредственно. Между ними есть средний термин, обойти который невозможно; историческое развитие имеет свои законы, над которыми мы не властны – приятно нам это или нет. "Братство и свобода", которые г. Тодорович считает заключенными в "социализме" были уже поставлены декретом в конце прошлого столетия во Франции, но за постановлением их следовала деспотическая империя <...>» [1877, № 12, с. 876].

Итак, протест Пыпина вызывало смешение у социалистов теоретической мысли с практическими требованиями, приношение исторической действительности в жертву идеалу. «Думаем, – заключал он, – что надо отнестись к ней (социалистической теории. – В.К.) критически – сохранить, пожалуй, ее как идеал, но не забыть настоятельных и насущных нужд своего общества <...>» [там же, с. 877]. Эта конечная пыпинская формула, ставившая «настоятельные и насущные нужды» общества впереди требовавшего критики, но все-таки легитимного социалистического идеала была достаточно эластичной – она вбирала и толерантность Тургенева к взглядам и деятельности постепеновца от социализма Лаврова, и наметки теории «малых дел», которые можно найти в его письмах середины 70-х годов [2, Письма, т. 11, с. 33].

В письме П.В. Анненкову от 28 декабря 1878 г. (9 января 1879 г.) Тургенев поделился своим впечатлением от «Внутреннего обозре-

ния» декабрьского номера журнала, назвав его «действительно превосходным» и сообщал о своем намерении обсудить его с П.Л. Лавровым [2, Письма, т. 12, кн. 1, с. 411]. Обозрение принадлежало Л.А. Полонскому, чьи выступления на страницах «Вестника Европы» не раз получали одобрительные оценки писателя. В январском 1879 г. номере журнала была напечатана статья Полонского «Социальное движение в Германии». И она удостоилась благожелательного отзыва Тургенева. «Составлено умно и дельно», – говорилось в письме М.М. Стасюлевичу 5 (17 января) 1879 г. [там же, т. 12, кн. 2, с. 8].

Что же представляли собой эти выступления Полонского?

Декабрьским «Внутренним обозрением» либеральный публицист реагировал на появление первого номера газеты «Земля и воля» (он датирован 25 октября 1878 г.). Полонский начал свое обозрение с того, что отмежевался от примитивного, реакционного антинигилизма, в полемическом арсенале которого не было ничего, кроме «"крепких слов" русского лексикона». Более привлекательного и эффективного союзника в ниспровержении идей русских радикалов он увидел в германской социал-демократии, «принимаемой ими, по-видимому, за образец». Такой ход требовал, конечно, от публициста «Вестника Европы» предъяснить свое понимание того значения, какое имела в современной Германии социал-демократическая партия. Нельзя было обойтись в этом случае и без рассуждений о природе и общественном смысле социалистических учений, завладевших умами революционной молодежи в России.

Популярность социал-демократической партии в Германии Полонский объяснял не «сущностью ее учения», а тем, что она является на сегодняшний день «единственной партией решительной оппозиции». И такое положение социал-демократы заняли потому, что в Германии замедлились политические преобразования и в то же самое время слабыми оказались либеральные партии.

В суждениях либерального публициста о социализме не было ни малейших признаков его демонизации. Социалистическая теория выражала вполне естественное стремление к улучшению экономического быта рабочих. И «пока это стремление держится на почве науки, – подчеркивал он, – и пока оно переходит хотя в практические опыты, но совершающиеся в строго законных формах, какие установлены в той или другой стране, – в нем нет ничего страшного» [1878, № 12, с. 833]. Сама государственная власть была призвана к тому, чтобы заботиться о народном благосостоянии. Выра-

зительный пример тому – крестьянская реформа в России.

«Абстрактный коммунизм», не выходящий из «пределов закона, равного для всех», не представлял никакой угрозы. Опасными, считал Полонский, могли быть только попытки «насиловать переиначить весь общественный быт по программе, выдуманной кем-то». «Эта опасность, – продолжал он, – велика потому, что она предполагает разрушение, страшную междоусобицу, а в заключение хаос и, быть может, – гибель цивилизации» [там же, с. 834–835]. Самым сильным средством против такого исхода мог стать только «здравый смысл народа».

Полонский увидел в «учении» землевольцев целый ряд противоречий. Пожалуй, самым уязвимым, с точки зрения логики, было, по его мнению, представление авторов передовой статьи в «Земле и воле» о сущности социалистического строя. С одной стороны, социализм рассматривался ими как «высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья», для которой нет «ни пола, возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий». С другой – будущий социалистический порядок должен был развиваться через «народную революцию», «из тех элементарных основ социализма, которые были уже созданы в умах народа». «А что если основы эти окажутся гораздо ближе к управлению станового пристава, чем к “чудному пиру жизни”?» – язвил Полонский. И вообще ему казалось сомнительным, чтобы «элементарные основы строя, не признающего ни пола, ни национальностей, ни религии, были уже в настоящее время “созданы в уме народа”» [там же, с. 835–836]. Для самих «народников-революционеров» существовал лишь один выход из этого логического тупика – навязать народу свой космополитический идеал. Но в таком случае он действительно окажется несовместимым с привычными для народа, сложившимися историческими формами хозяйственного и политического устройства. «Все основы мировоззрения русского крестьянства прямо противоположны этим неудобопонятным представлениям, – писал Полонский. – <...> Сама русская сельская община, на которую любят ссылаться, есть форма землевладения, а не отмена собственности с организацией труда. В русской земледельческой общине нет ни общей работы, ни солидарности в барышах производства, ни распределения вознаграждения за труд по усердию, способностям или хотя бы потребностям каждого. <...> Не только осуществить идеал (сам по себе, впрочем, неосуществимый) они (революционеры. – В.К.) бы не могли, но не могли бы даже сколько-нибудь поколебать го-

сударственный организм потому, что одно из несомненных свойств русской народной массы... – есть неискоренимая, безусловная преданность русского народа идее государства, то есть той самой идее, которую коренным образом отрицают “анархисты”» [1878, № 12, с. 840–841]. Как бы ни старались русские анархисты-коммунисты представить дело так, будто основные идеи их учения уже коренятся в сознании народа, в действительности это выглядит совсем иначе. И было совершенно ясно, что социалистическая теория создавалась совсем не в расчете на русское крестьянство, но «в виду всемирного рабочего пролетариата».

Декабрьское «Внутреннее обозрение» находилось в самой непосредственной идейной связи со статьей Полонского «Социальное движение в Германии». Она знакомила с содержанием вышедшей в 1878 г. книги Ф. Меринга «Немецкая социал-демократия, ее история и ее учение». Отмечая добросовестность Меринга «в смысле фактического изложения», Полонский представлял его как «безусловного противника социалистов». Было заметно при этом, что Меринг, а за ним и Полонский отдавали предпочтение «национальному социалисту» Лассалю, уважающему «освященные законом частные имущественные права». Его антиподом выступал «космополит-коммунист» Маркс.

Касаясь темы борьбы правительства с социалистическим движением в Германии, Полонский высказывал мысль, что она не даст результата, будучи сведенной только к запретам. Опасность революционных попыток только бы возросла, если бы социалистам был закрыт доступ к «мирному участию в политической жизни». «Вместо гласной организации – тайная, вместо борьбы на выборах – брожение революционное, вот что действительно опасно», – писал Полонский [1879, № 1, с. 251–252]. Эта сентенция адресовалась, несомненно, верховной власти в России.

Итак, сколь бы критичен ни был взгляд либералов «Вестника Европы» на социалистическую теорию, журнал в то же самое время не стеснялся демонстрировать свою толерантность к ней. За социализмом, без каких-либо оговорок, признавалось право на существование в ряду других идеологий. Более того, заявлялось о желательности легализации социалистического движения в рамках конституционно-демократического строя, который должен установиться в России.

Эти сдвиги в либеральном мышлении, совершавшиеся под влиянием европейской социальной науки и успехов социалистического движения в Европе, затронули и Тургенева. Они в известной мере объясняют его движение навстречу устрем-

лениям революционно-социалистической молодежи дома, в России. Осмысление проблемы социализма не привело его к построению более или менее законченной системы взглядов на нее. На первом месте стояло все-таки литературное творчество. И все же можно с большой долей уверенности говорить о том, что либерал-западник Тургенев был более расположен к тому варианту социалистической теории, который предлагался Лассалем. Русский же социализм, трансформировавшийся в революционное народничество, оказывался гораздо более серьезным препятствием на пути к либерально-социалистическому синтезу.

Как же понимать тогда слова Тургенева из письма Лаврову о согласии с главными положениями его программы? Рискнем предположить, что сказанное здесь отнюдь не было выражением принципиальной солидарности с одним из теоретиков народничества, а всего лишь подтверждением терпимости по отношению к его взглядам как данности, с которой приходилось считаться. Тургенев мог признавать правоту народнического идеолога только в отношении отторгнувшей пореформенную Россию молодежи, которой требовался правильный путеводный маяк. Социализм, по Лаврову, предполагавший неопределенно долгий путь к нему и установку на минимизацию роли революционного насилия, и был, как могло показаться Тургеневу, таким маяком и одновременно громоотводом. Либерал-

«постепеновец», как он сам себя аттестовал, протягивал в данном случае руку постепеновцу от социализма – вот суть их идейного и личного сближения. Сам же он не собирался жертвовать дорогими ему либеральными убеждениями, выбирая для себя роль прежде всего художника-наблюдателя, который хорошо видит народившуюся в стране революционную силу, оправдывает ее появление, симпатизирует если не общественному идеалу, то самоотверженности молодого поколения в его борьбе за социальную справедливость и политическую свободу. В этом и состоит, на наш взгляд, парадокс Ивана Тургенева.

Список литературы

1. Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в 8 томах. Т. 2. М., 1934.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. М.; Л. 1960–1968. Письма. В 13 т. В дальнейшем ссылки на это издание (*Письма*) даются в тексте.
3. Литературное наследство. Т. 76. И.С. Тургенев. Новые материалы. М., 1967.
4. Вестник Европы. 1871. № 11.
5. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1983.
6. Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.
7. Рusanов Н.С. Из литературных воспоминаний // Былое. 1906. № 12.

IVAN TURGENEV AND SOCIALISM (1870s – early 1880s)

V.A. Kitaev

The paper presents an analysis of Ivan Turgenev's attitude to the socialist ideology in 1870s – early 1880s. We reveal the circumstances that formed the writer's tolerant attitude to the socialist theory, as well as differences in the perception of the images of the socialist future that were created by contemporary European and Russian thinkers. An attempt has been made to explain the «paradox» of the liberal Turgenev, who made a fearless step towards the Russian revolutionary-socialist movement.

Keywords: Ivan Turgenev, Pyotr Lavrov, *Vestnik Evropy*, Liberalism, Socialism, Social Liberalism, Ferdinand Lassalle, Konstantin Arseniev, Leonid Polonsky, Alexander Pypin.

References

1. Lavrov P.L. Izbrannye sochineniya na social'no-politicheskie temy v 8 tomah. T. 2. M., 1934.
2. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 28 t. M.; L. 1960–1968. Pis'ma. V 13 t. V dal'nejshem ssylki na ehto izdanie (Pis'ma) dayutsya v tekste.
3. Literaturnoe nasledstvo. T. 76. I.S. Turgenev. Novye materialy. M., 1967.
4. Vestnik Evropy. 1871. № 11.
5. I.S.Turgenev v vospominaniyah sovremennikov. V 2 t. M., 1983.
6. Kitaev V.A. Ob osobennostyah liberalizma «Vestnika Evropy» (1870–1880-e gg.) // XIX vek: puti russkoy mysli. Nizhnij Novgorod, 2008.
7. Rusanov N.S. Iz literaturnyh vospominanij // Byloe. 1906. № 12.